

Диана Виньковецкая

Об одной беспредметной выставке

В этом году исполнилось бы 60 лет со дня рождения Якову Виньковецкому (1938-1984) — замечательному человеку, ученому-геологу, художнику. Он был участником многих начинаний в неофициальной культурной жизни Ленинграда, его любили и уважали друзья. Известная статья Якова Виньковецкого «Письмо из России в Россию» посвящалась тому, как вести себя на допросах в КГБ. Его рецепт был простой: не давать ответов ни на какие вопросы гебистов. Эта статья появилась сначала в самиздате, потом в журнале «Континент». В 1975 году он эмигрировал вместе с семьей в США. Его вдова Диана Виньковецкая вспоминает о ранних годах деятельности Якова Виньковецкого.

«Вообще: чем дальше, тем беспредметнее».
Иосиф Бродский

— Хочешь ли ты знать, что твоим картинам готовят полный разнос? — произнес один человек на Пискаревском кладбище, сообщая эту весть Яше, мне, лесу и спящим у вечного огня...

В те времена (март 1968 года) везде еще звучал тон страха, и когда говорили о чем-нибудь секретном, то — вне стен домов и квартир: казалось, что стены резонируют и рассказывают о своих тайнах тем, кому совсем не нужно их знать. Каждый, кто не хотел противоречить вкусу времени, при любом разговоре вставлял карандаш в циферблат телефона, думая таким способом прервать подслушивающую связь, или пускался на еще какие-нибудь ухищрения в целях сохранения своих маленьких тайн в большом общем неизвестном. Прислушивание и приглядывание придавало ценность каждому, хотя и с обратным знаком.

Иногда выбирались самые неожиданные пространства для конфиденциальных разговоров. Два наших приятеля, поэт Костя Кузьминский и режиссер Игорь Димент, проводили тайную беседу (речь шла о передаче литературы на Запад) в лодке на Обводном канале, и хотя они чуть не утонули вместе со своими литературными произведениями, но конспирацию сохранили.

До Обводного канала нам трудно было добираться, а на Пискаревское кладбище — рукой подать, туда-то Яша и любил удаляться для сверхсекретных разговоров, предполагая, что все тайны уходят в могилы. Много времени провел Яша на кладбище с нашими друзьями —

писателями, поэтами, художниками.

Один наш «осведомитель» из секретариата Смольного (у нас тоже были свои информаторы «оттуда») рассказал о готвящемся уничтожении Яши-художника и поношении его «беспредметных» картин.

Дело было вот в чем: мой муж Яков Виньковецкий, будучи ученым-геологом, занимаясь эволюцией природы и создавая общую картину мира (ему даже удалось издать трактат «Геология и общая эволюция природы» без единой ссылки на марксистские изречения, все больше на Тейяра де Шардена и других незапятнанных философов), в свободное от работы время рисовал «беспредметные», или абстрактные, картины и занимался теорией живописи. 17 января 1963 года Яша сделал доклад в Доме ученых «О возможности моделирования творческих процессов живописи». Этот вечер был одним из значительных событий в тогдашней общественной жизни Ленинграда, и его запомнили надолго. На него специально приехал из Москвы один из лидеров структуралистского движения Вячеслав Иванов. Подобные события были характерны для «оттепели» начала шестидесятых.

Яша испытывал некоторую гордость гражданского оттенка по поводу участия в том вечере — он сделал доклад о теории абстрактной живописи всего лишь через полтора месяца после хрущевского разгрома в Манеже.

Ко времени разговора на кладбище Яше удалось устроить две выставки — одну в молодежном кафе «Молекула» при Институте высокомолекулярных соединений, другую — в Союзе писателей. Первую помогли организовать писатель Игорь Ефимов (его приняли в Союз писателей во время потепления, и он зарабатывал на хлеб, утепляя дачу сталинского генерала Куприянова) и поэт Марина Рачко, которые знали директора клуба Гарика Бравого.

Вторую выставку — в Союзе писателей — организовал писатель и ученый-китаевед Борис Вахтин. У него были, конечно, большие связи в верхах благодаря матери — известной писательнице Вере Пановой, но все равно это было по ту сто-

рону предполагаемого. Помимо Яшиной выставки, в тот вечер в Доме писателей читали свои произведения Иосиф Бродский, Сергей Довлатов, Владимир Маразмин, Валерий Попов. Борис Вахтин вел этот вечер. Об этой «сионистской вылазке» потом было много шума (Сергей Довлатов ее описал в своих рассказах), большой донос поступил куда надо, и большие разговоры пошли где не надо.

То, что донос в Смольный написали как бы «свои», из приглашенных, заставило меня еще тогда обратить внимание на человеческую природу и сущность, но Яша до самой смерти верил, что в каждом человеке есть образ Божий. Я всегда подозревала, что у мужчин чувства научаются позже, особенно у задумчивых.

Во время этой «вылазки» к Яше подошли молодые люди из правления какого-то молодежного клуба и попросили разрешения повторить эту же выставку в их клубе; они даже взялись перевезти картины. Яша дал свое согласие, и картины быстро уехали в таинственном направлении их молодежного клуба.

К моменту нашего разговора на кладбище вот уже два месяца, как в этом закрытом клубе при научном центре каких-то секретных промыслов висели картины.

— Как мне стало известно, — повторил наш спутник, — в «Каравелле» (так назывался клуб) готовится большой разгром твоих картин.

— Они хотят это сделать из какой-нибудь мести, ненависти? Или картины им не нравятся? — спросил Яша.

— Нет. Просто они хотят вознаграждения в виде повышения по службе. Особенно желает отличиться секретарь Ждановского райкома комсомола. Он и его единомышленники хотят использовать мнения простых зрителей, чтобы заклеить, как они выражаются, абстрактное искусство как ненужное для народа.

Я хотела пошутить, что, мол, наконец-то, Яша, твои картины сослужат кому-то хорошую службу, но притихла, потому как боялась Яшиной серьезности, да и вид вечернего кладбища не располагал к шуткам.

Яша решил защитить от поношений

Я. Виньковецкий.
Фото А. Когана.

свои творения всеми возможными способами.

От правления этого секретного клуба Яша должен был получить около ста пригласительных билетов на обсуждение — «для своих». И, естественно, Яша подтянул свои силы. Я не знаю, сколько точно работало в этом учреждении людей, но говорили, что порядка двенадцати тысяч; народу толпилось в вечер обсуждения около ворот довольно много. Мы пришли к воротам одними из первых.

Двойные железные, окованные цепями, глухие ворота-двери, уходящие в небеса вместе с дымящими трубами, и забор, обвитый колючей проволокой, являлись странным обрамлением-входом для этой выставки. Высоко-высоко в воротах был глазок, дверь иногда приоткрывалась, в щелочку ничего не было видно, кроме следующей стены с железной дверью, находящейся наискосок, а там была еще одна стена с другой железной дверью — как у Кашея Бессмертного.

Яшу куда-то увели первого — как выступавшего, а вся толпа еще некоторое время вертелась около железных ворот, дожидаясь впускного времени. В период нашего стояния отдельные прохожие интересовались: «За чем очередь?» Услышав невнятные ответы, проходили мимо. Мне запомнилось, как одна бабка обратилась к моему приятелю Леше Орлову: «Голубчик, скажи, за чем стоят?» — «Да ни за чем, бабуля». — «Ни за чем — не стоят. Взаправду скажи. Не обманывай». — «На выставку художника», — ответила какая-то девушка из ожидавших. «Ноне художества тоже смотрят по очереди?!» — сказала бабуля-философ и пошла, покачивая головой.

Открылась первая железная дверь и впустила часть ожидавших, стоявших в первых рядах. Пройдя через зигзаг всех дверей, ты оказывался в помещении, где два охранника внимательно проверяли пригласительные билеты и паспорта. После этого все по одному должны были пройти еще и через вертушку, а потом спуститься в подвал-раздевалку, раздеться, сдать все пакеты и сумки, а потом подниматься вверх.

Наверху, в холодном и длинном зале, резной потолок подпирался толстыми колоннами из красной яшмы, стоящими в два ряда; пустая середина зала была уставлена рядами стульев (видимо, давно-давно это было пространство для танцев), над ними висела хрустальная люстра. Впереди зал заканчивался деревянным постаментом, на котором стоял стол-президиум, покрытый зеленой материей.

В зале уже были люди. Мы вошли первыми с общего хода; конечно, всегда есть задние проходы и лабиринты «для своих». Некоторые из пробравшихся сидели на стульях, некоторые бродили вдоль стен. Нормальные на вид люди, не такие, как в Союзе писателей, но и не такие, как с буровой, — «итэзры». По стене за колоннами были развешены Яшины картины, колонны им закрывали свет, падающий от люстры, и картины были совсем неярко освещены.

В одном из углов, слева от входной двери, стоял стол с книгой отзывов, и я подошла посмотреть. Первая запись гласила: «Лучше грабить и убивать, чем рисовать подобные картины!». Дальше: «Неужели не будет больше листьев, цветов, пейзажей? Вместо натюрмортов с овощами будет этот кошмар?» Сбоку приписка: «Ходи на базар, а не на выставку!»

От книги нельзя было оторваться, и я углубилась в чтение. Мы с приятелем листали ее как откровение. Я попросила Леву Левина, который пронес каким-то образом фотоаппарат (он работал врачом на мясокомбинате и имел навыки вноса и выноса, а в свободное время делал прекрасные фотографии), сфотографировать книгу, но Яша, оказавшись, был уверен, что книгу ему обязательно отдадут после выставки, и не хотел Леву беспокоить.

«Пробовал ли автор писать в реалистической манере? И если пробовал, что из этого вышло?» Между отзывами было приписано: «Лицо коммунизма».

По-видимому, выставка висела сама по себе и висела, кто-то приходил, уходил, проходил мимо. В этом холодном актовом зале днями никого не было, и в тишине за толстыми закрытыми стенами каждый мог оставить свое мнение на бумаге, не боясь быть пойманным и узнанным. Люди писали, что сами хотели, и можно было видеть, как противоречивы впечатления и оценки.

«Художник должен быть ближе к тому, что волнует нас сегодня». Приписанная надпись была жирно зачиркана, и можно было только разобрать, что, мол, «рисуй, чем прикрылась квартальная премия... и все остальное».

«Какой разрыв между жизнью и мечтой, между возможностью духовного начала и подавляющей его материальной оболочкой!»

«Поражает молодое восприятие мира — это краски как бы в первый день его творения».

И рядом: «Мазня доисторического человека».

Две первые книги отзывов — из кафе «Молекула» и из Союза писателей — были исписаны отзывами и поздравлениями близких друзей и интеллектуалов, все выражалось однообразно-восторженно, приятно, но без проникновенных всплесков — как это часто происходит с профессиональными критиками или образованными зрителями.

«...ни деликатность нравственного склада характера, ни правдивость и острота чувства, ни ширина и глубина интеллектуальной проницательности не могут Вас спасти в час испытания».

К сожалению, нам эту книгу не отдали — ее засекретили, наш друг-фотограф ее не сфотографировал, а мне удалось запомнить и списать только отдельные отзывы и высказывания.

США

Окончание следует.